

Любовь подобна стихам. Одни строки согревают душу,
другие – разбивают сердце.

МЕЖДУ

СТРОК

КОЛИН

18+

ГУВЕР

Дебютный роман от автора бестселлера **ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС**.
Сенсация TikTok.

Все твои совершенства. Главные романы Колин Гувер

Колин Гувер
Между строк

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гувер К.

Между строк / К. Гувер — «Эксмо», 2012 — (Все твои совершенства. Главные романы Колин Гувер)

ISBN 978-5-04-246803-2

После смерти отца восемнадцатилетняя Лейкен вместе с матерью и младшим братом переезжает в Мичиган. Девушка кажется сильной, становится опорой для семьи, но в душе переживает шторм. Все меняется, когда Лейкен знакомится с Уиллом – добрым и привлекательным соседом. Между героями сразу возникает симпатия, и их первое свидание дает обоим надежду на новую счастливую главу. Но реальность оказывается жестокой. И теперь единственное, что осталось у Лейкен и Уилла, это поэзия, в которой их любовь друг к другу – всегда между строк.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-246803-2

© Гувер К., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Колин Гувер

Между строк

Посвящается «Братьям Эйвитт». Их песни помогли мне «решить, каким человеком быть, и быть им».

© Романова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

Глава 1

*Мое «я» сбилось с пути.
Поможешь мне его найти?
«Братья Эйвитт». «Салайна»¹*

Мы с Келом ставим последние две коробки в арендованный фургон, я опускаю дверь и запираю на задвижку восемнадцать лет воспоминаний, каждое из которых неразрывно связано с папой.

Прошло полгода с тех пор, как его не стало. Срок вроде бы немалый: мой девятилетний брат Кел уже не заливается слезами при каждом упоминании об отце. И все же пока наша семья не сумела справиться с финансовыми последствиями потери кормильца. Жизнь в родном Техасе – другого дома я никогда не знала – больше нам не по карману.

– Лейк, ну же, не будь такой пессимисткой, – говорит мама, вручая мне ключи от дома. – Тебе ужасно понравится Мичиган, вот увидишь!

Она никогда не называет меня полным именем. Все девять месяцев беременности они с отцом спорили, как меня назвать. Маме нравилось имя Лейла – как в песне Эрика Клэптона, а папа настаивал на Кеннеди – в честь Кеннеди. «Любого Кеннеди, – говорил он. – Я их всех обожаю».

На третий день после моего рождения их вынудили определиться, и они пошли на компромисс: взяли первые слоги от обоих имен и соединили. По документам я стала Лейкен, но никто никогда так меня не называл.

– Мам, ну же, не будь такой оптимисткой! – передразниваю я ее. – Мне ужасно не понравится Мичиган, вот увидишь!

У мамы есть особый дар: один малюсенький взгляд на тебя бросит, а уже кажется, что целую лекцию прочитала. Сейчас этот красноречивый взгляд достается мне.

Поднимаюсь на крыльцо и напоследок еще раз обхожу дом, прежде чем навсегда запечатать дверь. Все комнаты опустели. Выглядит жутковато. Не верится, что я иду по дому, в котором родилась и выросла. Последние полгода нас крутит в вихре совершенно неожиданных – и исключительно скверных – эмоций. Переезд был неизбежен, я понимаю. Просто я надеялась, что хотя бы школу успею окончить.

Заглянув в теперь уже бывшую кухню, я вдруг замечаю на полу под навесным шкафчиком, там, где раньше стоял холодильник, пластмассовую фиолетовую заколку. Подбираю, стираю с нее пыль и верчу в руках, сгибая и вновь разгибая.

В голове звучит папин голос: «Отрастет твоя челка!»

Мне было пять, когда мама случайно забыла на столешнице в ванной парикмахерские ножницы. И я, конечно, сделала то, что делают в этом возрасте почти все дети: подстригла себе челку.

«Мама будет злиться!» – безутешно рыдала я. Почему-то мне казалось, что если я сама себя постригу, то волосы немедленно отрастут и никто ничего не заметит. Я отхватила добрую треть челки и села к зеркалу. Просидела так больше часа: волосы не росли. Подобрав с пола прямые каштановые пряди, я стала вертеть их в руках и соображать, как приделать их обратно к голове, но ничего не придумала и зарыдала в голос.

---

¹ Песня «Salina» группы «The Avett Brothers».

Папа вошел в ванную, увидел, что я наделала, со смехом подхватил меня на руки и усадил на столешницу. Потом достал что-то из шкафчика. «Смотри, как раз на такой случай я припас для тебя одну волшебную штуку», – сказал он и раскрыл ладонь. Там лежала фиолетовая заколка. «Пока ты ее носишь, мама ничего не заметит! – Он зачесал мою бедную челку набок, заколот и развернул меня к зеркалу. – Ну, видишь? Как новенькая!»

Я изумленно глядела в зеркало, не веря своему счастью. Еще бы, мне ведь страшно повезло: мой папа – волшебник!

Ту заколку я проносила, не снимая, ровно два месяца, и мама в самом деле ничего не заметила. Теперь-то я, конечно, понимаю, что папа наверняка рассказал ей о моей выходке. Но в свои пять я еще твердо верила в волшебство.

Внешне я больше похожа на маму, чем на отца. Мы обе среднего роста. В мои джинсы она уже не влезает – все же двоих родила, – зато остальными вещами мы запросто меняемся. У обеих каштановые волосы, прямые в сухую погоду и волнистые в дождь. У мамы глаза более изумрудного оттенка, чем мои, хотя, возможно, они кажутся ярче из-за более светлой кожи.

В остальном я пошла в папу. У нас одинаковый характер, одинаковый сухой юмор, одинаковые музыкальные предпочтения, даже смех одинаковый. Кел – совсем другая история. Он унаследовал папины светло-русые волосы и мягкие черты лица. Для своих девяти он, пожалуй, мелковат, зато все недостающее с лихвой компенсирует харизмой.

Я подхожу к мойке и сую заколку под струю воды, смывая с нее скопившуюся за тринадцать лет грязь. Когда я вытираю ее насухо полотенцем, на кухню, пятясь, заходит Кел. Он странный ребенок, но я души в нем не чаю. Раз в месяц он придумал устраивать себе «День наоборот»: ходит и говорит задом наперед, а обед и ужин начинает со сладкого. Должно быть, так сказывается большая разница в возрасте между нами и отсутствие других братьев и сестер: надо же ребенку как-то развлекаться.

– Поторопиться тебе велит мама, Лейкен, – говорит он, коверкая порядок слов.

Я прячу заколку в карман джинсов, выхожу из дома и в последний раз запираю за собой дверь.

Следующие несколько дней мы проводим в дороге. Я за рулем своего джипа, мама – за рулем арендованного грузового фургона фирмы «Ю-хол». Время от времени мы меняемся. Дважды ночуем в придорожных гостиницах. Кел едет то со мной, то с мамой; последний утомительный девятичасовой перегон с одной-единственной остановкой посередине проводит со мной в фургоне. Когда мы подъезжаем к нашему городку – Ипсиланти, – я начинаю осматриваться и обращаю внимание на тот факт, что на дворе сентябрь, а у меня уже вовсю шпарит печка. Похоже, придется обновить гардероб.

Наконец я сворачиваю направо, на нашу новую улицу, и навигатор бодро сообщает, что мы «у цели».

– Тоже мне «цель»! – смеюсь я. – Что ты знаешь о моих целях, навигатор?

По обе стороны от короткой улочки, заканчивающейся тупиком, выстроилось около восьми кирпичных одноэтажных домов. В одном из дворов я замечаю баскетбольное кольцо – есть надежда, что Келу будет с кем поиграть. Да и вообще район выглядит прилично. Газоны аккуратно подстрижены, тротуары чистые. Вот только бетона многовато. Нет: его *очень* много. Меня уже тянет обратно.

Новый хозяин скидывал нам по почте фотографии дома, поэтому я замечаю его издали. Он маленький. То есть *очень* маленький. В Техасе у нас был дом-ранчо и несколько акров земли. А крошечный участок вокруг этого домика почти целиком занят бетонными дорожками и садовыми гномами. Входная дверь распахнута настежь, а на крыльце стоит, помахивая рукой, пожилой мужчина – очевидно, наш новый хозяин.

Я проезжаю мимо, чтобы потом сдать задом и поставить грузовик дверями к входу. Прежде чем включить заднюю передачу, трясусь Кела за плечо: он дрых с самой Индианы.

– Кел, просыпайся, – шепчу я. – Мы *у цели!*

Он потягивается, зевает и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на наш новый дом.

– О, во дворе какой-то мальчик! Он будет жить с нами?

– Надеюсь, что нет, – отвечаю я. – Сосед, наверное. Иди познакомься, пока я тут паркуюсь.

Заехав во двор, я перевожу коробку в режим паркинга, опускаю стекла и глушу двигатель. Мама на моем джипе тоже подъезжает к дому и выходит поздороваться с хозяином. Я немного сползаю вниз по сиденью и упираюсь ногой в приборную доску, наблюдая, как Кел и его новый приятель бьются на воображаемых мечах. Завидую брату: он легко смирился с переездом, а я никак не выйду из роли обиженного ребенка.

Вообще-то поначалу, узнав о решении мамы перебраться в Мичиган, он тоже расстроился. В основном из-за того, что ему пришлось уйти из Малой лиги посреди игрового сезона. Друзья у Кела тоже были, но будем честны: лучший друг девятилетнего мальчика – обычно воображаемый и живет за океаном. Мама легко уломала Кела, пообещав на новом месте отдать его в хоккей – об этом он мечтал еще в Техасе, только на сельском юге с хоккейными командами туговато. Получив согласие мамы, Кел повеселел и стал чуть ли не с нетерпением ждать переезда.

Конечно, я понимаю, почему нам пришлось уехать. Папа был директором магазина красок и неплохо зарабатывал. Мама при необходимости брала смены в местной больнице, когда там требовались дополнительные медсестры, однако в основном занималась домом и нами. Примерно через месяц после смерти отца она смогла устроиться на полноценную работу. Я видела, что маме нелегко: папина смерть – и вдобавок новая роль главы семьи – оказались для нее очень серьезным испытанием.

Однажды за ужином она объяснила нам, что ее заработка не хватает на оплату всех счетов и ипотеки. Старая школьная подруга Бренда предложила ей место получше, но в другом городе – в мамином родном городке Ипсиланти под Детройтом, где она родилась и выросла. Платить обещают достойно, куда больше, чем на любой другой работе в Техасе, поэтому она вынуждена согласиться. Я действительно ее понимаю. Бабушка с дедушкой давно умерли, и помощи нам ждать неоткуда. К сожалению, от понимания ситуации мне не легче.

– Лейкен, умри! – кричит Кел в открытое окно грузовика, вонзая мне в шею воображаемый меч; я должна рухнуть наземь, но ограниваюсь закатыванием глаз. – Я тебя пронзил! Умирай!

– Я и так практически труп, – ворчу я, выбираясь из кабины.

Кел, понурившись, опускает глаза на свой воображаемый меч, волочащийся по бетону. У его нового приятеля вид не лучше. Пожалев, что сорвалась на детях, я решаю исправить положение.

– Я не просто труп, – рычу я самым жутким-прежутким голосом, – я зомби!

Вытянув руки перед собой, я склоняю голову набок и ковыляю к мальчикам. Те с визгом бросаются наутек.

– Мозги! – булькаю я. – Мне нужны ваши мозги-и-и!

Обогнув таким манером грузовик, я вдруг замечаю, что кто-то поймал обоих сорванцов за шкурки и несет ко мне.

– Поймал! – вопит незнакомец, показывая добычу.

Он на пару лет старше меня и гораздо выше. «Красавчик» – так его описали бы на моем месте большинство девочек. Малыши изо всех сил сучат руками и ногами, но хватка у незнакомца крепкая: мышцы так и перекатываются под футболкой.

Если мы с Келом внешне совершенно разные, то эти двое – явно братья. При немалой разнице в возрасте они похожи друг на друга как две капли воды. Гладкая смуглая кожа, иссиня-черные волосы, одинаковые короткие стрижки. Кел наконец вырывается из хватки незнакомца и начинает рубить его воображаемым мечом, а потом оборачивается ко мне с беззвучным призывом на губах: «Помоги!» Только тут до меня доходит, что я до сих пор стою в позе зомби.

Первое желание: забраться в кабину и до конца дней прятаться там под коврик. Вместо этого я с криком: «Мозги-и!» набрасываюсь на младшего из ребят и делаю вид, что пытаюсь откусить ему макушку. Потом хватаю обоих и щекочу до тех пор, пока они не валятся от смеха на бетонную подъездную дорожку.

Наконец я встаю. Старший брат уже приветливо тянет мне руку.

– Привет, я Уилл. Мы живем вон там. – Он указывает на дом напротив.

Я жму ему руку и оглядываюсь на свое новое жилище.

– Я Лейкен. Судя по всему, мы теперь живем здесь.

Он улыбается, по-прежнему держа меня за руку. Оба молчим. Терпеть не могу такие неловкие моменты.

– Ну, добро пожаловать в Ипсиланти! – Он наконец прячет руку в карман. – Откуда переехали?

– Из Техаса?

Не представляю, откуда взялась эта вопросительная интонация в конце моего ответа. И зачем я вообще пытаюсь анализировать свою попытку это проанализировать... Бред какой-то. Недосып и усталость не прошли для меня даром.

– Ого, правда?

Он покачивается туда-сюда на пятках, не зная, что еще сказать. Я не в состоянии выдать ни слова, и от этого неловкость момента только усиливается. Наконец Уилл наклоняется к младшему брату и, схватив его за щиколотки, непринужденно закидывает себе на плечи.

– Ладно, мне пора везти эту мелочь в школу. Вечером будет похолодание, так что советую разгрузиться по максимуму. Если понадобится помощь, могу прийти потаскать вещи. Мы вернемся где-то к четверем.

– Ага, спасибо большое.

Они переходят улицу, и я все еще провожаю их взглядом, когда Кел втыкает меч мне в поясницу, пронзая меня насквозь. Падаю на колени, схватившись за живот, потом пытаюсь отползти, но Кел забирается на меня верхом и добивает. Перед «смертью» я украдкой бросаю взгляд через дорогу и вижу, что Уилл за нами наблюдает. Усадив брата в машину, он подходит к водительской двери и еще раз машет нам на прощание.

На разгрузку фургона уходит большая часть дня. Самые тяжелые вещи, которые нам с мамой вдвоем не поднять, помогает перетащить хозяин. Выбившись из сил, мы принимаем единодушное решение оставить джип на завтра. Гляжу на опустевший кузов «Ю-Хола» не без грусти: эх, теперь у меня нет уважительного повода позвать на помощь Уилла.

Когда моя кровать собрана, я принимаюсь таскать из коридора в комнату коробки с пометкой «Лейкен». Распаковав большую их часть и застелив постель, я замечаю, что мебель в спальне уже отбрасывает длинные тени. Выглядываю в окно: солнце вот-вот сядет. Или дни здесь существенно короче, или я потеряла счет времени.

На кухне мама и Кел расставляют посуду и утварь по шкафчикам. Залезаю на один из шести высоких табуретов у барной стойки и по совместительству обеденного стола (полноценной столовой здесь нет). Дом у нас и впрямь не бог весть что. Сразу за входной дверью маленькая прихожая, переходящая в гостиную. От кухни ее отделяет только узкий коридор слева и окно справа. На полу лежит бежевый ковер, а во всех остальных комнатах – просто паркет.

– Здесь так чисто, – говорит мама, продолжая расставлять посуду. – Ни одной букашки еще не видела!

В Техасе все кишит насекомыми. Ни дня не проходит без убийства мухи или осы.

– На этом плюсы Мичигана, похоже, заканчиваются, – отвечаю я, открывая коробку с пищей и изучая ассортимент.

– Неужели? – подмигивает мне мама, беря из коробки кусок пепперони и отправляя его в рот. – А я думала, есть еще по крайней мере *один* плюс.

Делаю вид, что не понимаю, на что она намекает.

– Я видела, как ты с утра болтала с соседским парнем, – с улыбкой произносит она.

– Ой, я тебя умоляю! – как можно непринужденнее отмахиваюсь я. – Совершенно уверена, что Техас – не единственный штат, где обитают человеческие особи мужского пола.

Иду к холодильнику и беру банку содовой.

– Что значит «убитают»? – спрашивает Кел.

– Обитают, – поправляю его я. – «Обитать» значит «населять, водиться, селиться, пребывать», словом, «жить»!

Есть все же толк от курсов подготовки к итоговым экзаменам, думаю я.

– А, понял! Это как мы теперь убиваем в Ипсиантис? – спрашивает Кел.

– Обиваем, – поправляю я его во второй раз и запиваю содовой кусок пиццы. – Ладно, ребята, я без сил. Пойду спать.

– Будешь *обитатель* в своей комнате?

– Ты все схватываешь на лету, кузнечик.

Целую его в макушку и ретируюсь к себе.

Как же приятно наконец забраться под одеяло! Ладно хоть кровать знакомая, и на том спасибо. Закрываю глаза и пытаюсь представить, что я в своей старой спальне. В своей старой и *теплой* спальне. Здесь матрас и подушка просто ледяные. Накрываюсь с головой, чтобы хоть немного согреться. Делаю себе мысленную заметку: с утра первым делом обнаружить в доме регулятор температуры.

Наутро эта мысль приходит мне первой, как только я выбираюсь из-под одеяла и ставлю ноги на ледяной пол. Достая из шкафа свитер и, натянув его прямо на пижаму, тщетно ищу в комодке носки. Затем на цыпочках крадусь по коридору – чтобы никого не разбудить и в то же время свести к минимуму площадь соприкосновения голых стоп с холодным паркетом. Проходя мимо комнаты Кела, я замечаю на полу его тапочки с Дартом Вейдером. Тихонько подхожу к кровати, влезая в тапки и с облегчением направляюсь на кухню.

Там я первым делом ищу кофеварку. Ее нет. Осталась в джипе! Джип, увы, на улице. А там жуткий, просто зубодробительный холод...

Курток в прихожей тоже нет. В это время года в Техасе еще не ходят в куртках. Схватив с полки ключи от машины, я набираюсь храбрости для смертельного броска к джипу, распахиваю дверь... и обнаруживаю, что весь двор засыпан чем-то белым... До меня не сразу доходит, что это. Снег?! В сентябре?.. Нагибаюсь, беру немного снега в ладонь и внимательно его изучаю. В Техасе вообще редко идет снег, а *такого* не бывает вовсе. Там с неба летят не снежинки, а крошечные твердые градинки. Мичиганский снег прямо как из сказки: мягкий, пушистый и *холодный*! Я быстро стряхиваю его с ладони, вытираю руку о штаны и устремляюсь к джипу.

Впрочем, далеко уйти мне не удастся. Как только дарт-вейдеровские тапки встречаются с припорошенным бетоном, джип моментально уходит из виду. Я лежу на спине и смотрю на ясное голубое небо. Правое плечо простреливает резкая боль: похоже, я упала на что-то твердое. Пошарив левой рукой по земле, я вытаскиваю из-под себя бетонного садового гномика с отбитым красным колпаком. Тварь злорадно ухмыляется. Я со стоном замахиваюсь, чтобы отшвырнуть ее подальше, но меня останавливают.

– Это ты зря!

Голос Уилла я узнаю сразу. Мягкий, успокаивающий, как у папы, и в то же время с властными нотками. Я резко сажусь и вижу, что он уже спешит ко мне по дорожке.

– Ты как? – со смехом спрашивает Уилл.

– Нормально. Хотя мне станет гораздо лучше, когда я разобью к чертям эту штуковину! – отвечаю я, безуспешно пытаюсь встать на ноги.

– Не стоит. Гномы приносят удачу, – говорит Уилл, протягивая мне руки. Сперва он забирает у меня гнома и бережно ставит его на заснеженную лужайку.

– Ну-ну, – цежу я, осматривая свое раненое плечо: на рукаве свитера уже выступило красное пятнышко.

– О господи, прости, пожалуйста! – Уилл перестает смеяться, увидев кровь. – Я не знал, что ты так сильно ушиблась, иначе не стал бы шутить. – Он берет меня за здоровую руку и помогает подняться. – Надо заклеить пластырем.

– Если честно, пока я не имею ни малейшего представления, где аптечка, – говорю я, вспоминая груду нераспакованных коробок в коридоре.

– Пойдем, у нас на кухне точно что-нибудь найдется.

Он снимает куртку, накидывает ее мне на плечи и за руку ведет меня через дорогу к своему дому. Чувствую себя немного жалкой – зачем мне его помощь? Сама прекрасно дойду. Впрочем, я все-таки не возражаю и от этого прямо чувствую на себе гнев всех феминисток мира. Тоже мне, дева в беде! Без прекрасного принца куда?..

Снимаю куртку, кладу ее на спинку дивана в гостиной и иду за Уиллом на кухню. В доме еще темно – видимо, все спят. Сам дом попросторней нашего. Планировка похожая, но комнаты кажутся немного шире. В гостиной есть большое эркерное окно с мягким подоконником и подушками. Оно выходит на задний двор.

На стене напротив кухни висит несколько семейных фотографий. На них запечатлены в основном Уилл и его младший брат, но есть и несколько фото с родителями. Пока Уилл ищет лейкопластырь, я их изучаю. Похоже, сыновья пошли в отца. На одном из снимков – видимо, самом свежем, но все равно сделанном несколько лет назад, – отец крепко обнимает двух мальчиков за плечи. В его иссиня-черных волосах уже видна проседь, а широкая улыбка тонет в густых черных усах. Он очень похож на Уилла: те же черты лица, те же безупречные белые зубы и лучистые глаза.

Мама Уилла – настоящая красавица. Высокая (по крайней мере, так кажется на фото), с длинными светлыми волосами. Внешне мальчики совсем ничего от нее не унаследовали. Возможно, Уиллу достался ее характер. Глядя на фотографии, я понимаю: это настоящий дом, не то что наш.

Прохожу на кухню и сажусь за стойку.

– Надо сперва промыть ранку, а потом уже клеить пластырь, – говорит Уилл, закатывая рукава и включая воду.

В ярком искусственном освещении сквозь тонкую ткань его светло-желтой рубашки видна нижняя майка. Обращаю внимание на его широкие плечи и бицепсы, туго обтянутые рукавами. Лбом Уилл прислоняется к навесному шкафчику; поскольку кухни у нас одинаковые, можно предположить, что он дюймов на шесть меня выше. Пока я рассматриваю узорчатый черный галстук, который он перекинул через плечо, чтобы не намочить, Уилл выключает воду и идет ко мне с мокрой салфеткой. Покраснев, я выхватываю салфетку у него из рук, смущенная тем, как бесстыдно только что глазела на его тело.

– Спасибо, – говорю я, спуская рукав с плеча. – Я сама.

Пока я вытираю кровь, он открывает пластырь.

– Интересно, что ты делала на улице в семь утра в одной пижаме? Вы еще не разгрузились?

Мотаю головой и кидаю салфетку в мусор.

– Кофе искала.

– Ясно. Ты, стало быть, не жаворонок. – Это не вопрос, скорее утверждение.

Когда он подходит, чтобы наклеить пластырь, я чувствую на шее его дыхание и растираю свои руки, чтобы по ним не побежали мурашки. Уилл приклеивает пластырь и аккуратно разглаживает.

– Вот и готово. Как новенькая!

– Спасибо. И я, кстати, жаворонок. Когда кофе выпью.

Я делаю вид, что осматриваю пластырь, а сама лихорадочно соображаю, что делать дальше. Поблагодарить его я уже поблагодарила. По идее, можно бы развернуться и уйти, но это будет невежливо. Он все-таки мне помог. А если просто стоять и ждать, когда он заведет со мной светскую беседу, рискну показаться душой. С какой стати я вообще придаю столько значения тому, что обо мне подумает Уилл? Он просто сосед! Еще один «обитатель» Ипси-ланги, не более того.

Когда я оборачиваюсь, он уже наливает мне кофе. Затем подходит и ставит передо мной чашку.

– Сливки, сахар?

Мотаю головой.

– Просто черный, спасибо.

Пока я пью кофе, Уилл стоит напротив и смотрит. Глаза у него темно-зеленые, как у мамы, – значит, что-то он все-таки от нее унаследовал.

– Ладно, я поехал. Брат уже ждет в машине, а мне пора на работу. Я тебя провожу. Кружку оставь себе.

Смотрю на кружку и только тут замечаю крупную надпись на боку: «Лучший в мире папа». Мой отец пил кофе из точно такой же кружки.

– Спасибо, я дойду сама, – говорю я, направляясь к входной двери. – Вроде бы с прямохождением наконец разобралась.

Он выходит из дома следом за мной и запирает дверь, настояв, чтобы я пошла в его куртке. Я накидываю ее на плечи, еще раз благодарю и перехожу дорогу.

– Лейкен! – кричит Уилл мне вслед, когда я уже собираюсь войти в дом.

Оборачиваюсь: он все еще стоит на своей подъездной дорожке.

– Да пребудет с тобой сила! – со смехом восклицает он и запрыгивает в машину.

Сконфуженно опускаю глаза на свои тапочки с Дартом Вейдером. Ну да... я в своем репертуаре.

Кофе помог. Я нашла регулятор температуры, и к обеду дом наконец начал прогреваться. Мама с Келом поехали в компанию, предоставляющую коммунальные услуги, чтобы переписать все на мамино имя, а я осталась разбирать последние коробки (если не считать тех, что до сих пор лежат в джипе). Распаковав часть вещей, я вспоминаю про душ. Самое время его принять, а то сегодня уже третий день, как я хожу замарашкой.

После душа заворачиваюсь в полотенце и, наклонив голову вперед, расчесываю и сушу волосы феном. Потом направляю фен на запотевшее зеркало, чтобы очистить от пара маленький кружок и слегка накраситься. Так, загар уже потихоньку начинает сходить. Похоже, в этих краях позагорать осенью уже не получится: лучше сразу привыкнуть к своей бледности.

Причесавшись, я собираю волосы в хвост, подкрашиваю ресницы и наношу блеск для губ. Без румян вполне можно обойтись: от погоды и пары встреч с Уиллом щеки у меня и так красные.

Пока я была в душе, мама с Келом вернулись и уехали опять. На столе записка: подруга Бренда повезла их в город возвращать арендованный фургон. Рядом с ключами и списком

продуктов лежат три двадцатки. Я беру их и иду к машине. На сей раз добираюсь до нее без приключений.

Включая заднюю передачу, я вдруг осознаю, что понятия не имею, куда ехать. Налево или направо? Совершенно не ориентируюсь в этом городе. Заметив во дворе младшего брата Уилла, я паркуюсь у тротуара и опускаю стекло.

– Привет! Можно тебя на минутку? – кричу ему.

Он как-то подозрительно на меня смотрит. Боится, что я опять перевоплощусь в зомби? Наконец он все же делает пару шагов в мою сторону, но в трех футах от машины останавливается.

– Как добраться до ближайшего продуктового?

Он закатывает глаза.

– Серьезно? Мне девять!

Ага. Значит, сходство с братом у него чисто внешнее.

– Что ж, и на том спасибо. Кстати, как тебя зовут?

Расплывшись в озорной улыбке, он выкрикивает: «Дарт Вейдер!» и бросается наутек.

Дарт Вейдер? Я обдумываю его ответ. Хорошо, допустим, он сострил на тему тапочек, в которых я с утра пораньше заявила к ним домой. Казалось бы, ничего удивительного. Но откуда он мог о них узнать? Получается, Уилл ему про меня рассказал? Невольно пытаюсь представить беседу между братьями и гадаю, что Уилл обо мне думает. Если вообще думает. Я почему-то думаю о нем куда больше, чем следует. Сколько ему лет, на кого он учится, есть ли у него девушка?..

У меня-то, к счастью, парня нет. Последний год я ни с кем не встречалась. Учеба, подработка, развозка Кела по кружкам... При таком напряженном графике не до свиданий. Теперь придется привыкать к новой жизни: если там у меня не было ни минуты свободного времени, то здесь, похоже, все мое время будет свободным.

Достаю из бардачка навигатор и тут слышу голос Уилла:

– Это ты зря.

Он идет от дома к моей машине, а я, изо всех сил сдерживая счастливую улыбку, в которой норовит расплыться мое лицо, спрашиваю:

– Зря что?

Сама тем временем врубаю навигатор и помещаю его в держатель.

Уилл, скрестив руки на груди, заглядывает в салон.

– Зря включаешь навигатор. У нас в последнее время много строек и дорожных работ. С этой штукой точно заблудишься.

Я уже собираюсь ему ответить, когда к дому подъезжают Бренда с мамой. Бренда опускает стекло со стороны водителя, и мама, перегнувшись через нее, просит меня:

– Купи, пожалуйста, стиральный порошок! Не помню, добавила ли его в список. И сироп от кашля. Я приболела.

Кел выскакивает из машины и, подбежав к брату Уилла, приглашает его в гости.

– Можно? – спрашивает тот у Уилла.

– Конечно, – отвечает он. – А я пока съезжу с Лейкен в магазин, Колдер. Скоро вернусь.

Неужели? Я бросаю на него изумленный взгляд, но Уиллу хоть бы что: он уже пристегивается.

– Знаешь, я так непонятно объясняю дорогу... Лучше сам с тобой съезжу, ты не против?

– Да нет, – смеюсь я.

Кошусь на маму с Брендой. Те уже паркуются в нашем дворе и на нас даже не смотрят. Я трогаюсь с места и, следуя указаниям Уилла, выезжаю из квартала.

– Так твоего младшего братишку зовут Колдер? – спрашиваю я, чтобы завязать разговор.

– О да. Колдер, единственный и неповторимый. Родители много лет пытались завести второго ребенка, и наконец родился он. К этому времени Уилл и подобные имена давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя, – говорю я и тут же жалею о сказанном: очень похоже на дурацкий подкат.

Уилл смеется. Мне нравится его смех. И это дико меня злит.

Тут я вздрагиваю: Уилл смахивает волосы с моего плеча, запускает пальцы под воротник футболки и чуть оттягивает его в сторону.

– Надо поменять пластырь, – говорит он, похлопывая меня по плечу; от его прикосновения по моей шее мгновенно разливается жар.

– Напомни, чтобы я купила в магазине, – отзываюсь я, делая вид, что ни его действия, ни его присутствие не оказывают на меня ни малейшего влияния.

– Итак, Лейкен. – Он медлит, косясь на груды коробок, сваленных на заднем сиденье. – Расскажи о себе.

– Ну нет. Это слишком банально.

Уилл смеется.

– Ладно. Тогда я сам все выясню.

Он подается вперед и нажимает на магнитоле кнопку извлечения диска. Движения у него плавные, словно он оттачивал их годами. Даже завидно: сама я никогда не отличалась грацией.

– Знаешь, о человеке много можно узнать по его музыкальным пристрастиям. – Он берет в руки диск и, изучив его, со смехом восклицает: – «Всякая хрень Лейкен»! Интересно, в словосочетании «хрень Лейкен» слово «Лейкен» – это дополнение или определение?

– Просто я не люблю, когда Кел без спросу берет мои вещи, ясно? – Выхватываю у него диск и засовываю обратно в проигрыватель.

Тут же из колонок на полной громкости начинают литься звуки банджо, а я опять краснею. Да, я родом из Техаса, но это не значит, что мне обязательно нравится кантри. Вот уж по чему я точно не буду скучать в Мичигане, так это по кантри. Хочу убавить громкость, но Уилл хватает меня за руку.

– Нет-нет, прибавь обратно. Знаю эту песню, – говорит он, не отнимая руки.

Прибавляю. Да не может он знать эту песню! Блефует. Очередной дурацкий подкат, на сей раз с его стороны.

– Неужели? – пытаюсь подловить его я. – И как она называется?

– Поют «Братья Эйвитт», я ее называю «Габриэла», а вообще это песня из их цикла про красоток – «Красотка из Чили» вроде бы. Там в конце очень круто и неожиданно вступают электрогитары.

Я ошарашена. Он в самом деле знает эту песню!

– Тебе нравятся «Братья Эйвитт»?

– Обожаю их. В прошлом году они давали концерт в Детройте. Просто лучший концерт в моей жизни, честное слово.

Тело насквозь пробивает волна адреналина. Я опускаю глаза: его рука по-прежнему лежит на моей, а моя все еще сжимает регулятор громкости. Приятно. Прямо бесит, насколько приятно. Вообще-то я и раньше влюблялась в парней – до мурашек, до бабочек в животе, – но на такие дешевые приемы я обычно не ведусь.

Заметив мой взгляд, Уилл наконец отпускает мою руку и вытирает ладонь о джинсы. Жест как будто выдает его неуверенность... Неужели ему тоже неловко?

Музыка, которую я слушаю, далека от мейнстрима, потому я крайне редко встречаю людей, которые знают хотя бы половину моих любимых групп. «Братья Эйвитт» – моя любовь на все времена.

Мы с отцом часто засиживались по ночам с гитарой: он подбирал аккорды к их песням, и мы вместе пели. Однажды папа очень метко охарактеризовал их музыку. Он сказал: «Настоящий талант – это когда из множества несовершенств рождается совершенство».

Я поняла, что он имел в виду, только когда начала слушать «Братьев Эйвитт» по-настоящему. В их песнях рвутся струны банджо, сбивается мелодия, мягкий голос вокалиста вдруг сипнет и в том же куплете срывается на крик. Все это добавляет музыке веса, характера и жизненности.

После смерти отца мама передала мне его подарок на грядущее восемнадцатилетие: два билета на концерт «Братьев Эйвитт». Я расплакалась: папе, наверное, не терпелось самому их вручить. Конечно, он хотел бы, чтобы я сходила на концерт даже без него, но я так и не смогла себя заставить. С его смерти прошло всего несколько недель, и я не получила бы от любимой музыки никакого удовольствия, потому что все время думала бы о папе. О том, как здорово было бы пойти на концерт вместе с ним.

– Я тоже их обожаю, – нерешительно говорю я.

– Живьем когда-нибудь слышала?

И тут, сама не знаю почему, я рассказываю Уиллу об отце. Всю нашу историю, без утайки. Он слушает очень внимательно и перебивает лишь для того, чтобы предупредить о следующем повороте. Я рассказываю о нашей общей страсти к музыке. О папиной неожиданной смерти от сердечного приступа. О его подарке на день рождения и о концерте, на который мы так и не попали. Сама не понимаю, что со мной творится: вообще-то я не склонна изливать душу малознакомым людям. Тем более парням. Спыхватываюсь я только тогда, когда паркуюсь на стоянке у супермаркета.

– Ой, – вырывается у меня, когда я опускаю глаза на часы. – А это точно был самый короткий путь? Мы двадцать минут сюда ехали!

– Не-а, не самый.

Уилл подмигивает и открывает дверь.

Так. Теперь он определенно со мной заигрывает. И у меня в животе определенно порхают бабочки.

Снег успеваешь смениться дождем, пока мы идем по парковке.

– Бежим! – кричит Уилл, хватая меня за руку и увлекая за собой к входу.

Мы оба вваливаемся в магазин, задыхаясь от смеха, и стряхиваем воду с одежды. Я скидываю куртку и трясу ее, когда Уилл вдруг кладет руку мне на щеку и убирает с моего лица прилипшую прядь. Рука ледяная, но я не чувствую холода, потому что от прикосновения Уилла щеки у меня тут же вспыхивают. Он перестает улыбаться; мы долго смотрим друг другу в глаза. Я все не могу привыкнуть к тому, как мое тело реагирует на его близость: малейшие прикосновения и жесты будят во мне совершенно неожиданные чувства.

Кашлянув, я опускаю глаза и хватаю ближайшую тележку. Вручаю Уиллу список покупок.

– И часто здесь в сентябре идет снег? – как можно невозмутимей спрашиваю я.

– Не волнуйся, это ненадолго. Пару дней будет идти, от силы неделю. Обычно раньше октября снег не выпадает. Тебе повезло.

– Повезло?!

– Да. Такие резкие похолодания здесь – редкость. Вовремя вы приехали.

– Угу. А я думала, местные, поди, снег ненавидят.

Уилл смеется.

– Поди?

– А что?

– Ничего. Просто я никогда раньше не слышал, чтобы кто-то так говорил. Очень мило. Ты настоящая южанка!

– Ах, простите. Отныне буду жеманничать, как настоящие янки, и вместо «поди» говорить «по всей вероятности».

– Нет-нет. – Он со смехом толкает меня в плечо. – Мне нравится, как ты говоришь. Честное слово!

Сама себе не верю: я превращаюсь в девчонку, способную по уши втрескаться в парня с первого взгляда. Это ужасно. Ловлю себя на том, что внимательно рассматриваю его лицо в поисках изъянов. И ни одного не нахожу. Катастрофа! В моих глазах Уилл – абсолютное совершенство.

Собрав в тележку все продукты из списка, мы направляемся к кассе. Уилл не позволяет мне самой выложить покупки на ленту, и в результате я просто стою и смотрю, как это делает он. В самом конце Уилл кладет упаковку лейкопластырей. А я даже не заметила, как он взял их с полки.

На выезде с парковки Уилл велит мне повернуть не туда, откуда мы приехали, а в противоположном направлении. Проехав пару кварталов, мы сворачиваем налево – на нашу улицу. Дорога до супермаркета заняла двадцать минут, а обратно мы домчали меньше чем за минуту.

– Мило, – говорю я, захав во двор.

До меня наконец дошло, что Уилл сделал это нарочно. Выходит, заигрывает, никаких сомнений.

Он уже обошел мой джип сзади, поэтому я открываю кнопкой багажник и выхожу из машины, ожидая увидеть его с пакетами в руках, но нет: он стоит, положив руку на дверцу багажника, и молча смотрит на меня.

Изображая из себя красотку-южанку, я театрально прижимаю ладонь к груди и восклицаю:

– Ох, и не знаю, что бы я делала без вашей помощи, добрый сэр! Вот уж подсобили так подсобили!

Вообще-то я хотела его насмешить, но Уилл не сводит с меня серьезного взгляда.

– Что такое?.. – смущенно спрашиваю я.

Он делает шаг ко мне и свободной рукой ласково приподнимает мой подбородок. Я в шоке от собственной реакции: неужели я позволю парню такую фамильярность?! Несколько секунд он молча изучает мое лицо, а у меня сердце так и рвется из груди. Сейчас будет поцелуй?..

Стараюсь дышать ровно и смотреть ему в глаза. Уилл подходит еще ближе, убирает руку с подбородка, кладет ее мне на затылок и, чуть наклонив мою голову к себе, нежно прикасается губами к моему лбу. Постояв так несколько секунд, он отстраняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.